

МАСТЕР ЧЭНЬ

ДЕВУШКА
ПЕЛА
В ЦЕРКОВНОМ
ХОРЕ

Москва
2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М32

Художественное оформление серии *Ю. Девятовой*

Издательство благодарит Ванке,
Goumen & Smirnova Literary Agency за содействие
в приобретении прав

Мастер, Чэнь.

М32 Девушка пела в церковном хоре / Мастер
Чэнь. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-112929-3

Новый роман Мастера Чэня воссоздает события 1904—1905 годов, которые переплетаются с детективным сюжетом о золоте, якобы отправленном на одном из кораблей 2-й Тихоокеанской эскадры китайской императрице в обмен на помощь России в войне с Японией. Внимательный и умеющий анализировать происходящее очеркист журнала «Нива», откомандированный с эскадрой, чтобы описывать события, сумеет разгадать все загадки и тайны, но это будет стоить жизни его любимой женщине.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112929-3

© Мастер Чэнь, текст, 2020
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо»», 2020

— **А** что же вам не написать об этом — уверенно сказал Сергей Васильевич, завораживая меня взглядом серо-медовых глаз. — В конце концов, что вы делаете в жизни — вы пишете. А тут Цусима — такая уникальная катастрофа... мало того, что самое страшное поражение русского флота за всю его историю. Но еще ведь, наверное, вообще самое страшное военное поражение России за ее историю. И много ли таких, как вы, которые там были и вдобавок — пишут? Неважно, что в наших краях работаете на французскую газету, — вы все равно русский писатель. Важно, что вы знаете такое, чего не знает никто, — вашу собственную историю. Ну как же можно об этом не написать?

— Да сколько уже писали, — попробовал сопротивляться я. — Вот же и большевики, говорят, издавали книг. Все про то же — катастрофа царизма. Но я... — Тут, запинаясь, я начал лепетать что-то ему явно непонятное: — Но я не видел катастрофу. Или не только ее. Собственно, я видел нечто противоположное.

Сергей Васильевич удивленно склонил свою узкую, длинную голову.

— Я видел... чуть ли не победу, пусть и посреди поражения. И вот еще что — я часто думаю иногда, сколько событий привело к этому странному исходу, и если бы любая мелочь пошла не так... Было бы другое поражение и другая победа. Да вот хоть если не было бы той музыки...

— Какой музыки? — мгновенно среагировал великий человек.

— Да в том числе и вашей музыки, Сергей Васильевич, — развел руками я. — Был граммофон в кают-компании, и еще пока эскадра покидала Европу, кто-то... Кто-то принес пластинки и сказал: а тут новое и модное. Ну, вот это: пам-пам-па... А если бы мы ее, вашу музыку, тогда не услышали, то уже было бы хоть как-то, но по-другому...

— Ну конечно, это же девятьсот четвертый год, мои первые грамзаписи, — глядя в пространство, задумался он. — Но как вы это хорошо сказали — мелочей нет, и если была бы другая музыка... Вот видите...

Тут мое счастье кончилось — да и то странно, что вся фрачная калифорнийская толпа так долго давала мне говорить с героем столь блестящего концерта. Нет уж, уберите выскочку — то есть меня, потому что вот они тянутся к нему с бокалами шампанского, хотят своей минуты славы и глупых разговоров с гением, разговоров ни о чем. Меня попросту начали оттирать плечами.

ДЕВУШКА ПЕЛА В ЦЕРКОВНОМ ХОРЕ

— Так напишите же свою историю, — почти беззвучно выговорил он поверх их хорошо уложенных проборов.

И был окончательно поглощен толпой поклонников.

А больше мы не виделись.

И он, конечно, прав: то, что знаю я, не знает сегодня уже никто.

Я обернулся, и мне показалось, что он через всю залу снова мне кивнул: обязательно напишите. Это не должно исчезнуть и забыться.

Часть первая

С КРЕЙСЕРОМ ЧТО-ТО НЕ ТАК

НЕМОЛЯЕВ, СУХОПУТНАЯ КРЫСА

Сначала был взрыв.

То есть я, понятно, не знал, что это именно взрыв, — по звуку похоже было на обрушившийся на брусчатку громадный железный лист.

Но это было почти рядом с бронированным бортом нашего крейсера — на набережной, там, куда мы все смотрели, где-то в закоулках портовых складов либавской Коммерческой гавани. И сразу же из щели между двумя скучными складскими зданиями в нашу сторону вспучился полупрозрачный серый пузырь, несший по воздуху какие-то клочья.

Я мог бы догадаться, что если путь начинается со взрыва, то это весьма странно. Но в тот момент просто ничего не понимал, потому что...

Потому что дальше зазвучали свистки, еще свистки, из того самого проулка вдруг показалось десятка два людей, часть их были впряжены в оглобли, тащили на руках какую-то телегу; потом то же — тащат новую телегу; потом еще одну, но тут уже люди... а часть их — в полицейских шинелях... буквально волокли за узду бесящуюся лошадь.

 ДЕВУШКА ПЕЛА В ЦЕРКОВНОМ ХОРЕ

И вся эта процессия двинулась к черному борту нашего «Дмитрия Донского», нависавшему над пристанью.

Мелькнула мысль: это что же — ведь погибли не только лошади?

Они, эти склоненные над оглоблями люди, не поднимали голову к нам, небольшой кучкой стоявшим у борта: мы — это несколько черных, с проблесками серебра, флотских тужурок, мой темный котелок и широкополая шляпа стоявшей рядом дамы. Инесса Рузская, такой же пассажир, как и я. Более того, как потом оказалось, мы были единственными пассажирами из многих тысяч человек эскадры.

Происходившее заметно отличалось от проводов какого-нибудь океанского лайнера — матросы и офицеры крейсера не толпились на палубе, в основном они были чем-то заняты. Отдавались команды, те самые ящики, подтащенные к нашему борту, начали куда-то грузить. Ну а пассажиров, как уже сказано, было только двое, и...

— Господин Немоляев, вы слышите изменившуюся тональность этого урчания под ногами? Кажется, она означает начало нашего пути. Ну давайте же помашем хотя бы берегу, раз провожающих не видно и нам никто не ответит.

Взрыв — если это был взрыв — не произвел на нее никакого впечатления. Но я тогда и на этот факт не обратил внимания.

Рузская достает из рукава заранее заготовленный платочек, мне остается сдернуть котелок (на довольно неприятном ветре), и тогда несколько ма-

тросов на палубе — из тех, кто именно здесь «по местам стоит» — тоже пару секунд бодро треплют ветер бескозырками.

Русская: я только что ей представился, абсолютно замечательная дама, как минимум сорока лет, то есть старше меня лет на десять, и от нее веет... властью, что ли. Спокойной и любезной властью надо мной и мужчинами вообще, достоинством, но не богатством — она едет к мужу-офицеру в Порт-Артур, так что она на этом корабле человек по деньгам и статусу понятный всем, в отличие от меня.

Я этой даме не очень интересен (пока?), но снисходительную доброжелательность она ко мне проявляет. Темные глаза посверкивают легким любопытством. Что еще? Нос. Красиво выгнутый, гордый нос. Какая она была лет десять назад — уж совсем хороша или наоборот? А впрочем, какая мне разница.

Кого, кроме нее, я еще знаю на крейсере: да ровно никого. Но придется узнать чуть не всех 23 офицеров и 492 нижних чина, потому что у каждого своя история, а истории — это то, зачем я отправился в путь.

И вот буксир уже тащит нас из гавани Либавы в более глубокие воды; и вот отдаляются и склады, и краны, и вагоны со всей России в этом новом Кронштадте — а он будет, и скоро; небо серо, дождик еле касается лица...

Мягкий ход волны, перед нами в двух кабельтовых (да, я уже знаю это слово — кабельтов) корма «Жемчуга», а впереди него волшебная, вызывающая общий восторг новенькая «Аврора»...

 ДЕВУШКА ПЕЛА В ЦЕРКОВНОМ ХОРЕ

И далеко справа, почти на горизонте — грозная вереница тяжелых, давящих волну броненосных чудовищ-близнецов — «Князь Суворов», «Император Александр III», «Бородино», «Орел», другие... я их всех путаю, но каждый матрос их узнает издали и поминает вслух по имени обязательно; так будет вскоре и со мной.

Вот только взрыв этот — какая странная история, что там взорвалось, не бомбисты же это сделали... И не японцы — до них еще долгие, долгие недели пути... А странная она потому, что вот эта толпа полиции — с ней что-то не так. Откуда она вообще взялась?

Но тут Рузская, склонив ко мне на секунду поля шляпы, ушла, я двинулся следом в свою каюту (споткнувшись на железных ступенях вниз), там бестолково помялся, подумал — не пора ли обедать, или тут нужен какой-то сигнал, называемый, кажется, склянками. Вышел снова на палубу.

И понял, что хорошо бы присесть на что-то твердое и устойчивое, потому что палуба мягко наклонилась ко мне к носу корабля и серо-лиловой воде. Я быстро окинул взглядом тех людей на палубе, которые в отдалении как-то виднелись, — было ощущение, что для них происходящее нормально.

Думаю, вы уже поняли, что со мной было дальше — и длилось долго.

Не то чтобы я лежал, не вставая и не выходя из отведенной мне запасной офицерской каюты, на откидной кровати. То есть, понятно, лежал, рассматривал чистые эмалированные стены и круглый

глаз иллюминатора, думал о том, что бывал в куда худших гостиницах. Пытался понять, тепло мне или холодно. Размышлял о том, что это жуткое качание во все стороны, пусть и не очень сильное, теперь будет всегда.

Хотя — качание или нет, надо хотя бы представиться капитану, до того роль дворецкого при моем вселении на крейсер играл какой-то юноша, видимо мичман. Одеться, пойти наверх... Не сейчас, не сейчас.

Но я и выходил, конечно. Потому что когда человека тошнит, он должен знать, где туалетная комната (оказалось, рядом). И где кают-компания, да просто место, где можно попить воды. Пресной, заметим. Рукомойник на палубе, который я ранее обнаружил, чтобы прополоскать рот, содержал что-то соленое.

В кают-компании обычно было пусто, но ближе к закату я нарвался на большой сбор веселых людей в черных тужурках (или это бушлаты?), и они посмотрели на меня с вежливым сочувствием.

Тут я понял, что эти люди ходят, разговаривают, едят как ни в чем не бывало; заметил, что Ружской не было, — сестра по несчастью? И решил, что, раз уж пришел, надо взять себя в руки.

— Немоляев, Алексей Юрьевич, э-э-м, сухопутная крыса, — представился я самому внушительному из всех бородачу (и почти не ошибся — он оказался вторым по рангу здесь человеком).

Тут я обозвал его капитаном, после чего некто слегка раздраженный быстро поправил меня: здесь

 ДЕВУШКА ПЕЛА В ЦЕРКОВНОМ ХОРЕ

военный корабль, здесь командир, а не капитан, а передо мной старший офицер. Которому, кстати, мне и следует представиться, так что все пока хорошо.

Этот же старший офицер, как и было положено, показал мне место на относительно пустующем участке длинного стола, там, где сидел корабельный священник, и я собрался что-то съесть, но из этого ничего хорошего не получилось.

— А вернитесь-ка вы в каюту, уважаемый — как вас? Алексей Юрьевич, — сказал мне добрый и понимающий человек напротив. — А я к вам непременно зайду вскорости.

Он и зашел, оказался одним из двух здешних врачей, по фамилии Тржемеский.

— Ожоги, ушибы, а на экваторе будут, без сомнения, солнечные удары, — рассказывал он мне, проверяя пульс. — Но, поскольку на эскадру в нижние чины набирали не просто запасников, а еще и сухопутных, да крестьян попросту, то есть и вот эта, знаете ли, морская болезнь. К утру не пройдет, не обещаю. Потерпите. А тем временем рекомендации такие...

К утру она не прошла.

До того, как начался неожиданный кошмар, было вот что: я выползал довольно часто на палубу и уже пытался вести разговоры с людьми. Узнал следующее: для матросов я — «вашескородь», но странное вашескородь, потому что обращаюсь к ним на «вы», чего офицер не должен делать — хотя

ни в каком уставе это не обозначено. Так или иначе, при разговоре со мной бескозырку сдергивать одним казалось нужным, а другим нет.

Далее: у матросов свое средство от морской болезни. Надо, чтобы кондуктор... в общем, боцман отстегал мучающегося линьком до синяков, и все сразу проходит. Многие сами к боцману с этим обращаются, только скажите, вашескородь.

И: крейсер — маленький качающийся остров. На нем ты никогда не один. Всегда и всем видно твое лицо — видно даже от носа на корме и читаются даже мысли на нем.

Я, конечно, пытался работать. Я здесь не просто так, вспоминалось мне. Я свидетель великих событий. Никогда в российской, да что там — всемирной истории не отправлялась через весь мир, через два океана такая мощная армада — почти все боевые корабли великой империи. Маршрут был в точности мало кому известен, но наша колонна кораблей шла сейчас вокруг всей Европы, должна была пройти между Англией и Испанией, потом обогнуть всю Африку до самой южной ее точки, до недавнего поля битвы англичан и буров. Ходили слухи, что часть кораблей могла, по осадке, пройти через Суэцкий канал и потом соединиться с нами где-то в Индийском океане. Потом — минуя британский Сингапур — мы все вместе пойдём на север. К осажденному японцами Порт-Артуру, к полю битвы этой неожиданно страшной и кровавой войны с нацией, о которой у нас еще года два назад

 ДЕВУШКА ПЕЛА В ЦЕРКОВНОМ ХОРЕ

никто всерьез и не слышал. Господи, Япония — да что вообще такое эта Япония?

Телеграфные новости в газетах — это одно. Но длинные журнальные очерки в безумно уважаемой «Ниве», этом флагмане нашего Просвещения, где у входа в редакторские святыни стоит под пальмой чучело медведя с серебряным подносом для визитных карточек, — это другое.

И только «Нива» могла совершить невозможное — уговорить Адмиралтейство взять в это путешествие одного... одного из всей России... очеркиста, то есть меня.

Я снял с пачки блокнотов верхний, извлек из футляра заточенный карандаш и начал записывать все — да-да, насчет боцманского лекарства от морской болезни тоже — все, что мой читатель не узнает из телеграфных сообщений. А узнает лишь от меня одного.

И вдруг — упомянутый ужас.

Ночь, я сплю, но дальний грохот сбрасывает меня с койки. Нет, не только он: еще бешено мечется звук колокола уже здесь, на крейсере. Топочут ноги в коридоре и по палубе над головой. Топот стихает. Снова раскаты. Если это гроза, то что значат колокол и беготня?

Понятно, что я пошел наверх, голова еще кружилась — но спать было невозможно. А наверху было страшно.

Только вчера я наблюдал россыпь алмазных звезд над головой, цепочки огней эскадры над чер-